

РАСПРОСТРАНЕНИЕ МАРКСИЗМА

В РОССИИ
И ГРУППА
„ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА“

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ
МАРКСИЗМА
В РОССИИ
И ГРУППА
„ОСВОБОЖДЕНИЕ
ТРУДА“
1883—1903 гг.**

Дорожному Геннадию
Семеновичу Неубкову
— ведущему исследо-
вателю истории группы
„Освобождение Труда“
от редакционной и
авторского коллектива
И Курбатов

Дом Плеханова

Лениздат • 1985

№ 1523

А. Н. Цамутали

**Г. В. ПЛЕХАНОВ И НАЧАЛО РАЗРАБОТКИ
МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

Возникновение группы «Освобождение труда», развернутая ею активная деятельность по пропаганде марксизма, оказав чрезвычайно важное влияние на развитие русской общественно-политической мысли, стали крупным событием и для развития русской историографии. До 1883 г. имя Маркса встречалось на страницах исторических трудов лишь в исключительных случаях, идеи марксизма в русской историографии по существу еще не находили отражения. Между тем в конце 70-х — начале 80-х гг. в либеральном направлении русской историографии наметились некоторые сдвиги. В какой-то степени это было связано с тем, что на смену С. М. Соловьеву, занимавшему кафедру русской истории в Московском университете, в 1879 г. пришел В. О. Ключевский. В лекциях и в своей монографии «Боярская дума», публикация которой на страницах либерального журнала «Русская мысль» была завершена в 1881 г., Ключевский предложил свою концепцию истории России. Эта концепция, плюралистическая по своему характеру, наряду с элементами видоизмененной схемы Соловьева содержала мысль о наличии исторических законов, порожденных взаимодействием трех основных «исторических сил»: «человеческой личности, общества и природы страны»¹. Важной особенностью исследований Ключевского была предпринятая им попытка показать значение экономического фактора в развитии государства на всем протяжении его истории. Это было ново для либеральной историографии. Однако взгляды Ключевского были все же очень далеки от того принципиально нового подхода к пониманию исторического развития, который был предложен Марксом. И. М. Гревс утверждал, что Ключевский вообще не реагировал на попытки познакомить его с произведениями Маркса². М. В. Нечкина ставит это свиде-

¹ Ключевский В. О. Соч., т. 1. М., 1956, с. 239.

² См.: Тхоржевский С. И. В. О. Ключевский как социолог и политический мыслитель. Дела и дни, кн. 2. Пг., 1921, с. 158.

тельство под сомнение. В подтверждение она обращает внимание на наличие в его работах критических замечаний, касающихся некоторых положений исторического материализма, о котором, впрочем, по ее словам, у Ключевского было «самое неточное и бедное представление»³. Таким образом, крупнейший представитель буржуазно-либерального направления в русской историографии шел путем, чуждым марксистским идеям.

Рост общественного движения в России, теоретические споры в среде демократической интеллигенции заставляли представителей либеральной историографии, а также историков, стоявших ближе к охранительным началам, обращаться к обсуждению проблем, связанных с вопросом о возможности революционного или реформаторского пути исторического развития. Такого рода тенденции нашли место в работах по истории Французской революции XVIII в., написанных В. И. Герье и его учеником Н. И. Кареевым. Свою первую работу по этой теме, статью «Республика или монархия установится во Франции?»⁴, Герье напечатал в 1877 г. В советской историографической литературе отмечалось, что в этой статье он пытался дать конкретный ответ на поставленный в общей форме еще С. М. Соловьевым вопрос, почему в XVIII в. во Франции, в отличие от России, «слабое правительство не устояло, и произошли известные печальные явления, которые до сих пор отзываются в стране». Признав, что революция была естественным следствием исторического развития Франции, Герье вместе с тем рассматривал ее как отрицательный урок, из которого должны извлечь для себя выводы другие народы, оказавшиеся перед выбором между монархией и революцией. При этом Герье в первую очередь имел в виду русский народ⁵.

По-иному интерпретировал историю Французской революции один из учеников Герье — Н. И. Кареев. Его либеральная в целом концепция несла на себе отпечаток известного демократизма, свойственного ему в молодые годы и проявлявшегося при оценке как современных событий, так и исторических проблем. К началу 1880-х гг. Кареев сложился как либерал нового поколе-

³ См.: *Нечкина М. В.* Василий Осипович Ключевский. М., 1974, с. 262, 430.

⁴ *Герье В. И.* Республика или монархия установится во Франции? — Сборник государственных знаний. Под ред. В. П. Бездарова, т. 3. СПб., 1877.

⁵ См.: *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. 2. М., 1960, с. 454—455.

ния, «конституционалист», сторонник «социального реформаторства», более «левый», чем К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин и другие либералы старшего поколения, видевшие в «представительных учреждениях» «безумные проявления социализма». В монографии Кареева «Крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (СПб., 1879) обращало на себя внимание не только использование большого количества материала. Историк, хотя и не называл фамилию автора, но ссылаясь на «Очерки по политической экономии (по Миллю)» Н. Г. Чернышевского. В предпосланном основному тексту книги «Библиографическом указателе» упоминался «Капитал» К. Маркса. Несколько ссылок на «Капитал» имелось в основном тексте⁶. Через М. М. Ковалевского, находившегося в дружеских отношениях с К. Марксом, Кареев переслал ему экземпляр своей монографии. К. Маркс высоко оценил этот труд. «Сочинение г-на Кареева превосходно (excellent)», — писал он, имея в виду «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции...»⁷. Одобрительно отозвался об этой книге и Ф. Энгельс. «Лучшая работа о крестьянах — Кареева — написана по-русски», — замечал он в письме к К. Каутскому⁸. Монография Кареева явилась своего рода свидетельством демократического подъема, наметившегося в конце 70-х гг. XIX в. Однако после спада второй революционной ситуации 1879—1880 гг. во взглядах Кареева произошло поправление. Подобное явление, впрочем, было характерно и для некоторых более молодых историков, в частности для С. Ф. Платонова, ранние работы которого о земских соборах, о волнениях 1648 г. несли на себе налет либеральных тенденций, а последующие были проникнуты идеей монархизма.

Несмотря на определенный интерес к произведениям Маркса, историки народнического направления в своей исследовательской работе оказались не менее далеки от марксистских идей, чем ученые буржуазно-либеральной и охранительно-консервативной школ. Субъективистская социология народничества находилась в непримиримом противоречии с материалистическим пониманием истории.

⁶ См.: Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. СПб., 1879, с. 5, примеч. 21 к с. 297, с. 15, примеч. 13 к с. 162, примеч. 21 к с. 103, примеч. 30 к с. 166, примеч. 3 к с. 232.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 34, с. 286.

⁸ Там же, т. 37, с. 125.

Тем большее значение для развития русской исторической науки имело возникновение группы «Освобождение труда», выход в свет подготовленных ею переводов трудов Маркса и Энгельса, а также произведений Г. В. Плеханова. Разрыв Плеханова с исторической концепцией народничества наметился еще до образования группы «Освобождение труда». Убедительным тому свидетельством была напечатанная им в № 1 «Вестника Народной воли» за 1883 г. рецензия на книгу Н. Я. Аристова «Афанасий Прокофьевич Щапов». В ней Плеханов не только опроверг версию Аристова о том, что Щапова погубили его «задор судить и рядить о делах практических», «интерес к политике», «дикий нрав и непростительное упрямство», но и доказал, что на самом деле Щапов стал жертвой существовавшего в России самодержавного строя⁹.

Однако гораздо большее значение рецензия имела как первая попытка критики народнической историографии с позиций марксизма. Обратившись к историческим построениям Щапова, Плеханов выделил те, анализ которых способствовал бы критике народнических идей. «Мы уверены, — писал он, — что пришла уже пора критической оценки всех элементов нашего народничества. Между этими элементами взгляды Щапова на взаимные отношения народа и государства, на раскол и общину — занимают... очень видное место...»¹⁰ Предметом особенно обстоятельной критики в плехановской рецензии стали взгляды Щапова на федерализм, централизацию, роль государства. При этом Плеханов подчеркивал, что «сам Щапов никогда не требовал, разумеется, полного уничтожения государства, как средства освобождения народных масс», что «этот вывод был сделан из его воззрений лишь нашими бакунистами»¹¹. Исследуя расхождения между Н. Г. Чернышевским и А. П. Щаповым, Плеханов обращал внимание на то, что «яблоком раздора был именно вопрос о государстве, его исторической роли и желательном для демократов отношении его к народу в настоящее время»¹². Рецензия на книгу о Щапове явилась как бы заявкой на дальнейшее изучение Плехановым российской истории с позиций марксизма. В советской историографической литературе отмечается огром-

⁹ См.: *Плеханов Г. В. Соч.*, т. 2, с. 11—20.

¹⁰ Там же, с. 20.

¹¹ Там же, с. 18.

¹² Там же, с. 17.

ное значение, которое имели для исследования важнейших проблем всеобщей истории и истории России его книги «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», а также некоторые другие произведения.

Первой книгой, выпущенной в «Библиотеке современного социализма», с издания которой началась деятельность группы «Освобождение труда», явилась работа Плеханова «Социализм и политическая борьба». В ней Плеханов не только успешно решил такую сложную задачу, как критика политических взглядов народников, показав несостоятельность народнических утверждений о необходимости отказа от политической борьбы, но и раскрыл отношение к ней социал-демократов, считавших борьбу за завоевание политической свободы и свержение самодержавия своей первостепенной задачей. В книге Плеханов подверг основательной критике исторические концепции, выдвинутые представителями различных народнических течений: бакунистами, лавристами, ткачевцами, народовольцами, чернопередельцами; раскрыл основные положения Маркса и Энгельса о законах развития человеческого общества. С позиций исторического материализма он писал о значении классовой борьбы, антагонистических противоречий в обществе, о необходимости изучать опыт революционного движения. Убедительно показывал Плеханов и универсальный характер марксистского учения, реальную возможность применить его на русской почве. Пользуясь ленинским выражением, можно сказать, что книга «Социализм и политическая борьба» была также первым *profession de foi* марксистского направления в русской историографии.

Значительный интерес представляет работа Г. В. Плеханова «Новый защитник самодержавия, или Горе г. Л. Тихомирова» (1889), являвшаяся ответом на ренегатскую брошюру последнего «Почему я перестал быть революционером». В этом уничтожающем памфлете Плеханов показал убогость и реакционность рассуждений Тихомирова по поводу истории России. Отвечая на «запутанные рассуждения» Тихомирова о «насильственных переворотах» в истории, Плеханов писал, что «история не делает неподготовленных скачков»¹³. Примеры тому он находил и в истории стран Западной Европы и в истории России. Одним из таких примеров он считал петровские

¹³ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 4. М., 1956, с. 387—389.

реформы начала XVIII в. Плеханов отвергал взгляд на них как на насильственный переворот. Он писал: «Славянофилы ругали Петра антихристом именно за «внезапность» сделанного им переворота. Они утверждали, что в своем реформаторском рвении он позабыл об эволюции, о медленном «изменении типа» общественного строя. Но всякий мыслящий человек легко сообразит, что петровский переворот был необходим в силу пережитой Россией исторической «эволюции», что он был подготовлен ею». В трактовке Плеханова петровские реформы воплотили в себе необходимость тех изменений, «которые постепенно назрели в предшествующие годы». *«Количественные изменения, постепенно накапливаясь, переходят, наконец, в качественные. Эти переходы совершаются скачками и не могут совершаться иначе»*¹⁴, — писал Плеханов. Таким скачком считал Плеханов и петровские реформы. Петр I, по его словам, «совершил огромный переворот, спасший Россию от окостенения»¹⁵. Впрочем, тут же Плеханов подчеркивал, что Петр I сделал «лишь то, что было доступно царской власти», то есть «завел постоянное, по-европейски вооруженное войско и европеизировал систему нашего государственного управления... словом, к азиатскому туловищу... приделал европейские руки». При этом «великий царь раздавил народ под бременем налогов и довел деспотизм до неслыханной степени могущества». Лицам, занимавшим после Петра I российский престол, его реформа больше всего нравилась, по мнению Плеханова, тем, что «страшно усилила самодержавную власть».

В связи с оценкой преобразований, осуществленных при Петре I, Плеханов коснулся и вопроса о роли самодержавия в истории России. Ренегат Тихомиров скатился на позиции защиты самодержавия. Он вступил в полемику с теми, кто отрицал возможность какого-либо культурного развития при самодержавии, кто восклицал: «Какая культурная работа при царях?» При этом, обращаясь к истории России, Тихомиров писал: «Да разве Петр не царь? А есть ли во всемирной истории эпоха более быстрой и широкой культурной работы? Разве не царица Екатерина II? Разве не при Николае развивались все общественные идеи, какими до сих пор живет русское общество? Наконец, много ли республик, которые в

¹⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 1, с. 388.

¹⁵ Там же, с. 409—410.

течение 26 лет сделали бы так много улучшений, как сделал император Александр II? На все такие факты у нас только и находятся жалкие фразы, вроде того, что это сделано «вопреки самодержавию». Но если бы даже и так: не все ли вам равно, «благодаря» или «вопреки», коль скоро прогресс, и очень быстрый, оказывается возможен? Опровергая эти домыслы в защиту самодержавия, Плеханов прежде всего обращал внимание на то, что прогрессивные сдвиги, имевшие место при русских императорах в прошлом, отнюдь не дают оснований для оправдания самодержавия вообще, тем более монархии Александра III. Обращаясь к Тихомирову, он писал: «...неужели вы не понимаете того простого обстоятельства, что настоящее может быть не похоже на прошлое и что пример Петра, Екатерины или даже Александра II вовсе не указ для Александра III или Николая II? Петр старался заставить Россию сделаться просвещенной страной; Александру III хотелось бы вернуть ее в варварское состояние. Россия может поставить двадцать новых памятников Петру и в то же время находить, что Александр III заслуживает только виселицы. Зачем же сворачивать на Петра Великого, когда речь идет об Александре толстом?»¹⁶.

Отвергал Плеханов и довод Тихомирова о том, что при Николае I «развились многие из тех идей, которыми до сих пор живет русское общество». Плеханов доказывал, что передовые идеи развивались вопреки Николаю I. С возмущением отвергая слова Тихомирова о том, что «величайший прогресс литературы совместим с самодержавной монархией», Плеханов писал: «...он думает, что его читатели не знают истории многострадальной русской литературы? Но кто же не помнит Новикова и Радищева, отведенных когтей просвещенной Екатерины; ссылки Пушкина при «благословенном» Александре; Полежаева, загубленного «незабвенным» Николаем; Лермонтова, сосланного за стихотворение, не заключавшее в себе ничего опасного для «основ»; Шевченка, изнывавшего под солдатской шинелью; Достоевского, который без всякой вины был сначала приговорен к смертной казни, а затем, «помилованный», сослан на каторгу, заключен в «Мертвый дом», где два раза подвергался телесному наказанию; Белинского, которого лишь смерть спасла от знакомства с жандармами? Или г. Тихомиров полагает, что его чита-

¹⁶ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 1, с. 398.

тели забыли ссылку Щапова, Михайлова, погибшего в Сибири, Чернышевского, оставшегося там более двадцати лет; Писарева, просидевшего в крепости лучшие годы своей жизни...» Добавив, что преследование передовой литературы продолжается, Плеханов заключал: «Беспощадное преследование всякой живой мысли красной нитью проходит через всю историю русского императорства, и наша литература неслыханно дорогой ценой заплатила за свое развитие *«вопреки»* самодержавию»¹⁷.

«Самодурство самодержцев обходится нам слишком дорого»¹⁸ — такими словами Плеханов в общей форме характеризовал роль самодержавия в России. При этом он объяснял, что если царизм и делал когда-то нечто, что можно назвать «культурной работой», то делал он это только под угрозой восстаний или вследствие уже разразившихся восстаний. В связи с этим он писал: «Реформы Александра II вызваны были крымским погромом, который навязал нам программу преобразований, безусловно необходимых для самосохранения России как европейской страны». Основанием всех других реформ было тогда уничтожение крепостного права, сильно стеснявшего промышленное развитие. «Оно, кроме общих экономических соображений, было предпринято еще и потому, что ежегодно возраставшее число крестьянских бунтов заставляло опасаться народного восстания. Отсюда следует, по-видимому, тот вывод, что, когда мы захотим заставить царя взяться за «культурную работу», мы должны припугнуть его восстанием и уж, конечно, припугнуть серьезно, т. е. не ограничиваться словами, а на самом деле готовиться к восстанию. А это значит, что революционная деятельность есть та же культурная работа, но только с другой стороны... Для того, чтобы Александр II задумался о реформах, нужно было то отчаянное положение России, при котором Николаю оставалось лишь покончить самоубийством»¹⁹. Тем самым Плеханов подчеркивал роль классовой борьбы как движущей силы истории и напоминал о необходимости революции для осуществления в России перемен, способных улучшить положение трудящихся слоев населения.

Плеханов указывал и на антинародный характер многих внешнеполитических акций царизма. В качестве одного из примеров он приводил Семилетнюю войну: «Вою-

¹⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 1, с. 398—399.

¹⁸ Там же, с. 400.

¹⁹ Там же, с. 402—403.

ет Елизавета с Фридрихом прусским — и Россия обязана думать, что война ведется ради ее национальных задач. Но вот вступает на престол Петр III, который, еще будучи наследником, изменнически вел себя по отношению к России, — и русские солдаты, только что сражавшиеся *против* Фридриха, немедленно переходят *на его сторону*, и русские обыватели обязаны думать, что такого перехода требуют их национальные задачи?»²⁰. Напоминает Плеханов и «самодержавные проказы Павла или Николая, который думал, что главнейшая национальная задача России состоит в неукоснительном исполнении роли европейского жандарма». Такая внешнеполитическая деятельность царизма, по словам Плеханова, «не могла же не отражаться самым вредным образом на национальных интересах России»²¹. Что же касается основных национальных задач, стоявших перед Россией, то важнейшая из них, по словам Плеханова, «состоит в завоевании свободных политических учреждений, благодаря которым силы нашего отечества перестали бы, наконец, быть игрушкой в руках какого-нибудь коронованного Кита Китыча»²².

Тезис о том, что абсолютизм изжил себя, Плеханов подкреплял указанием на то, что «развитие товарного и капиталистического производства радикально изменило быт трудящегося населения России»²³. Здесь Плеханов вводил в набросанную им общую схему истории России очень важный фактор, который обходили молчанием все противники марксизма: охранительные и либеральные историки, а также и народнические авторы. Плеханов писал о возникновении пролетариата в России, как о важнейшем событии в ее историческом развитии. Он был уверен, что русскому пролетариату суждено было сыграть определяющую роль, что его возникновение имеет для России «еще большее значение», чем аналогичное явление для западноевропейских стран. С пролетариатом связывал Плеханов надежду на коренные изменения во всех областях жизни России, в том числе и в культуре. Он писал, что с появлением рабочего класса «изменяется самый характер русской культуры, исчезает наш старый, *азиатский* экономический быт, уступая место новому, *европейскому*. Рабочему классу суждено завершить у нас великое дело Петра: довести до конца процесс *европеиза-*

²⁰ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 1, с. 404.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же, с. 413.

ции России. Но рабочий класс придаст совершенно новый характер этому делу, от которого зависит самое существование России как цивилизованной страны. Начатое когда-то *сверху*, железной волей самого *деспотичного* из русских *деспотов*, оно будет закончено *снизу*, путем *освободительного* движения самого *революционного* из всех классов, какие только знала история». Напомнив слова А. И. Герцена о том, что в России, «собственно говоря, нет народа, а есть только коленопреклоненная толпа и палач», Плеханов писал: «В лице рабочего класса в России создается теперь *народ* в европейском смысле этого слова. В его лице трудящееся население нашего отечества впервые встанет во весь рост и пзовет к ответу своих палачей. Тогда пробьет час русского самодержавия»²⁴.

Затрагивал Плеханов и вопрос о том, что «в своей борьбе с самодержавием рабочий класс будет, по всей вероятности, не один, хотя, разумеется, только он один способен придать ей решительный оборот»²⁵.

Важнейшие положения, обосновывавшие необходимость изучения истории России с марксистских позиций, получили дальнейшее развитие в последующих работах Плеханова, прежде всего в изданном в 1894 г. классическом философском труде «К развитию монистического взгляда на историю». Этот труд Плеханова, наряду с обстоятельнейшим анализом домарксовской философии, социологии и историографии, знакомил читателей с важнейшими положениями учения Маркса о законах общественного развития и движущих силах исторического процесса.

В 1890-е гг. с появлением первых трудов В. И. Ленина марксистское направление в русской историографии вступило в новую фазу своего развития.

²⁴ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения, т. 1, с. 413.

²⁵ Там же, с. 414—415.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
А. Г. Егоров. Столетие создания первой марксистской организации России — группы «Освобождение труда»	5
С. С. Волк. Поворот революционной мысли России к марксизму и создание группы «Освобождение труда»	17
М. Т. Повчук. Идеино-философская деятельность Г. В. Плеханова в группе «Освобождение труда»	36
И. Н. Курбатова. Литературно-издательская деятельность группы «Освобождение труда» и ее оценка В. И. Лениным	60
В. П. Федотов. Вопросы истории социологии в трудах Г. В. Плеханова	75
Н. Н. Братко. Проблема теоретических источников исторического материализма в освещении Г. В. Плеханова	85
И. А. Кадышева. Проблемы истории философии и общественной мысли в трудах В. И. Засулич	99
В. С. Никоенко. Г. В. Плеханов и материалистическая традиция Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова	114
А. А. Чернобаев. Ленинская оценка позиции Г. В. Плеханова, группы «Освобождение труда» в аграрно-крестьянском вопросе	129
В. Н. Гинев. О тактике Г. В. Плеханова в отношении революционно-народнической интеллигенции в 80-х гг. XIX в.	140
А. Н. Цамутали. Г. В. Плеханов и начало разработки марксистской концепции российской истории	149
В. В. Иванов. Критика Г. В. Плехановым неокантианской концепции идиографизма	159
В. В. Мицуров. Социал-демократическая группа Д. Благоева и группа «Освобождение труда»	166
Ф. М. Сулова. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и группа «Освобождение труда»	177
В. П. Красавин. Роль группы «Освобождение труда» в критике «экономизма»	191
Е. Р. Ольховский. Участие членов группы «Освобождение труда» в издании «Искры» и «Зари»	209
Р. В. Филиппов. Место группы «Освобождение труда» в ленинской концепции истории создания РСДРП	221
И. Н. Маслов. Создание В. И. Лениным марксистской партии нового типа в России и группа «Освобождение труда»	245
Библиография	259